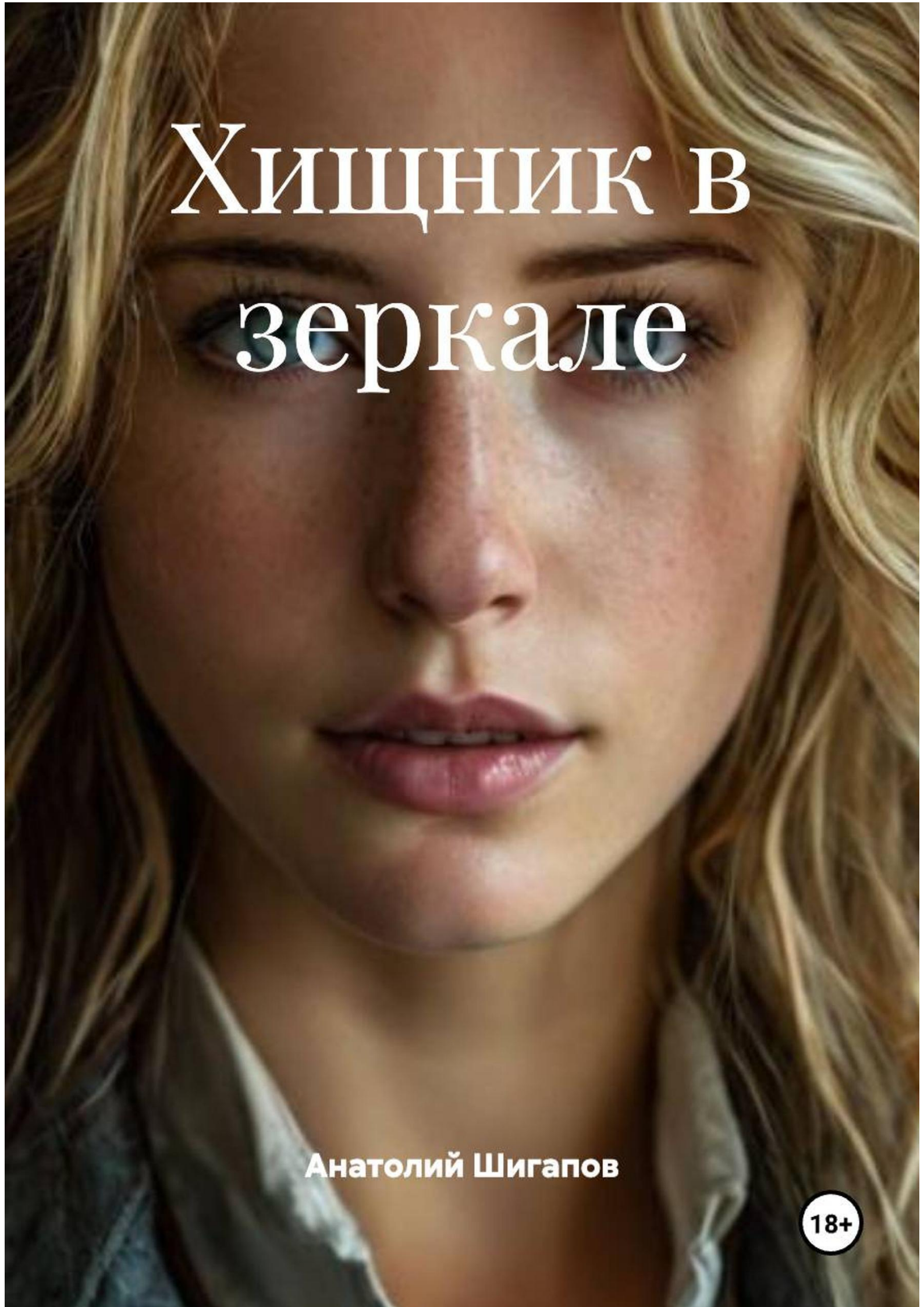

Хищник в зеркале

Анатолий Шигапов

18+

ХИЩНИК В ЗЕРКАЛЕ

Анатолий Шигапов

Хищник в зеркале

«Автор»

2026

Шигапов А.

Хищник в зеркале / А. Шигапов — «Автор», 2026 — (ХИЩНИК В ЗЕРКАЛЕ)

Она искала сестру пятнадцать лет. Он писал бестселлеры, не подозревая, что его сюжеты диктует чужая память. Их связь - тайна, запертая в подвалах психиатрической клиники «Тихая гавань». Профайлер ФБР Элис Вуд сталкивается с убийством, в точности повторяющим сцену из еще не вышедшего романа писателя Дэвида Моррисона. След ведет в закрытую лечебницу, где десять лет молчит пациентка Лина Новак. Кто она — жертва или кукловод? И почему ее письма с деталями будущих преступлений приходят именно Моррисону? Чтобы выжить, Элис придется погрузиться в прошлое, где переплелись судьбы брошенных детей, жестокого врача и человека, наблюдающего за всем из тени. Правда, которую она найдет, разрушит все, во что она верила. Ведь иногда самые близкие люди - те, кого мы считали потерявшими навсегда. Но готовы ли они простить?

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

Хищник в зеркале

Психологический триллер

Посвящение

Моей сестре, которая старше меня на пять лет.

Той, чьи ладони помнят тепло моих детских рук. Той, кто стоял между мной и миром, когда мир был слишком большим, слишком громким, слишком страшным для маленького мальчика, который только начинал в нём жить.

Я помню, как ты держала меня за руку в первый школьный день – твои пальцы были уверенными и тёплыми, и я знал, что пока ты рядом, ничего плохого не случится. Я помню, как ты сидела у моей кровати, когда я боялся темноты, и рассказывала истории о храбрых рыцарях и добрых драконах, пока сон не уносил меня в безопасные дали. Я помню, как ты завязывала мне шнурки, вытирала слёзы после разбитых коленок, делилась последним кусочком шоколада, потому что знала – я люблю его больше всего на свете.

Ты учила меня читать по ночам, когда родители думали, что мы давно спим. Ты показывала мне звёзды и говорила, что каждая из них – это чья-то душа, которая смотрит на нас и оберегает. Ты была моим тихим убежищем, моей первой защитой, моим самым надёжным человеком в этом огромном, непонятном мире.

Прошли годы. Мы стали взрослыми, дороги разошлись, жизнь бросала нас в разные стороны, испытывала на прочность, заставляла падать и подниматься. Но в каждом моём падении, в каждом подъёме, в каждом слове, в каждой строчке, в каждом вздохе этой книги – ты. Твоя забота, твоя нежность, твоя безусловная любовь, которая сформировала меня задолго до того, как я научился писать. Ты живёшь в каждом моём персонаже, в каждой женской улыбке, в каждом моменте тепла среди холода.

Эта книга полна боли, потерь, тьмы и отчаяния. Но в ней есть и свет. И этот свет – ты. Ты научила меня, что даже в самой глубокой тьме можно найти родную душу. Ты показала мне, что любовь сильнее страха, что семья – это не всегда кровь, это всегда выбор, и ты выбрала меня задолго до того, как я научился выбирать сам.

Спасибо тебе за всё. За ночи, когда ты не спала, слушая мои детские страхи. За дни, когда ты делилась последним, не думая о себе. За годы, когда ты верила в меня, даже когда я сам в себя не верил. За то, что была моей сестрой – не просто по крови, а по духу, по выбору, по любви.

Я искал тебя в каждом человеке, пока не понял: ты всегда была внутри меня. Ты – та часть моего сердца, которая помнит, что такое дом. Ты – та часть моей души, которая никогда не сдаётся.

Я нашёл тебя однажды и буду искать снова и снова, в этой жизни и в следующих. Потому что такие, как ты, не теряются навсегда. Они становятся звёздами, которые ведут нас домой.

С любовью, бесконечной нежностью и благодарностью, что ты есть в этом мире и в моей жизни,

Твой младший брат

Обращение к читателю

Дорогой друг,

Ты держишь в руках эту книгу. Возможно, ты купил её в магазине, потому что тебя заинтриговала обложка. Возможно, кто-то подарил её тебе со словами: «Это стоит прочитать». Возможно, ты взял её в библиотеке, привлечённый названием. А может быть, ты просто открыл

файл на своём устройстве, ища, чем занять вечер. Я не знаю, как эта книга попала к тебе. Но раз ты здесь, раз ты читаешь эти строки, значит, между нами уже возникла связь. Тонкая, невидимая, но реальная.

Я хочу поговорить с тобой, прежде чем ты нырнёшь в эту историю. Поговорить, как говорят старые друзья перед долгой дорогой, которую им предстоит пройти вместе.

Эта книга родилась не из холодного расчёта. Не из желания написать бестселлер, угодить читательским ожиданиям или вписаться в модные литературные тренды. Она родилась из вопросов, которые преследовали меня много лет. Из ночных размышлений, из разговоров с самим собой, из тех моментов, когда остаёшься один на один с тишиной и вдруг слышишь в ней голоса тех, кого любил и потерял.

Я задавал себе вопрос: что делает нас теми, кто мы есть?

Мы привыкли думать, что наша личность формируется событиями. Рождением, взрослением, выбором профессии, встречами и расставаниями. Но чем больше я живу, тем больше понимаю: нас делают люди. Те, кто был рядом в детстве и держал за руку, когда мы боялись темноты. Те, кто приходил на помощь, когда мы падали и разбивали коленки. Те, кто верил в нас, когда мы сами в себя не верили. И те, кто уходил, оставляя после себя пустоту, которую ничем не заполнить.

Я думал о своей семье. О родителях, которых уже нет. О сестре, которая всегда была для меня маяком в самые тёмные времена. О тех, кого судьба разбросала по разным углам, но чьи голоса я до сих пор слышу внутри себя. И я понял: память – это единственное, что у нас действительно есть. Всё остальное можно отнять. Деньги, дом, работу, даже свободу. Но память остаётся с нами до последнего вздоха. И она же может стать самым страшным проклятием, если то, что ты помнишь, невыносимо.

Эта книга – о памяти. О том, как она нас формирует и как нас разрушает. О том, как мы пытаемся убежать от прошлого, но оно всегда настигает нас. О том, что иногда единственный способ выжить – это забыть. А иногда единственный способ стать собой – это вспомнить.

Я писал эту историю для тех, кто когда-либо чувствовал себя потерянным. Для тех, кто искал своё место в мире и не находил. Для тех, кто терял близких и находил их снова – пусть не физически, но в сердце. Для тех, кто знает, что семья – это не всегда кровь, но всегда выбор.

В моей жизни были моменты, когда я остро ощущал, что не знаю, кто я. Что моё прошлое – это туман, в котором блуждают призраки. Что люди, которых я считал родными, могут оказаться чужими. А чужие – самыми близкими. Эти ощущения, эти страхи, эти надежды я вложил в своих героев. Элис, Лина, Дэвид, Миранда, Алекс – они не выдуманы мной от начала до конца. Они собраны из кусочков реальных людей, которых я встречал, из их историй, из их боли, из их побед. Они – как мозаика, в которой каждый осколок – чья-то настоящая жизнь.

Это психологический триллер. Здесь будут убийства, тайны, мрачные коридоры психиатрической клиники, подвалы, где прячут правду, и люди, готовые на всё, чтобы эту правду скрыть. Здесь будет напряжение, от которого перехватывает дыхание. Будут моменты, когда захочется закрыть книгу и никогда не открывать, потому что страшно. Будут сцены, от которых сжимается сердце.

Но прежде всего – это история о любви.

О той любви, которая сильнее страха. Которая заставляет молчать десять лет, чтобы защитить тех, кто дорог. Которая толкает на преступления, чтобы спасти. Которая прощает даже тогда, когда простить невозможно. Которая не умирает, даже когда умирает тело. Которая живёт в памяти, в сердце, в каждой клеточке существа.

Я часто думал: почему мы любим читать такие мрачные истории? Почему нас тянет к страданиям, к боли, к отчаянию? И я пришёл к выводу: потому что только через тьму мы можем увидеть свет. Только потеряв, мы понимаем ценность того, что имеем. Только пройдя через ад, мы учимся ценить рай.

Эта книга – о прощении. О том, как трудно простить тех, кто причинил нам боль. И о том, как необходимо это сделать, чтобы жить дальше. Потому что ненависть разъедает душу быстрее любой болезни. Потому что злость тяжелее любого груза. Потому что только освободившись от них, мы можем дышать полной грудью.

И ещё эта книга – о выборе. О том, что каждую минуту, каждый час, каждый день мы делаем выбор. Кем быть, с кем быть, за кого бороться, кого защищать, кого предать. И от этих маленьких выборов зависит наша большая судьба.

Я не знаю, через что ты проходишь сейчас, дорогой читатель. Может быть, ты счастлив и ищешь острых ощущений. Может быть, тебе грустно и ты хочешь разделить свою печаль с кем-то, кто поймёт. Может быть, ты просто хочешь отвлечься от повседневной суеты. Но я верю, что если ты дочитал до этих строк, значит, ты ищешь что-то важное. Что-то, что отзовется в твоём сердце.

Я не обещаю тебе лёгкого чтения. Эта книга потребует от тебя мужества. Она заставит задуматься, возможно, всплакнуть, возможно, разозлиться. Возможно, ты будешь спорить с героями, осуждать их, не понимать их поступков. Возможно, ты увидишь в них себя. И это нормально. Потому что хорошая литература всегда диалог. Разговор между автором и читателем, между героями и реальностью.

Но я обещаю тебе одно: эта книга не оставит тебя равнодушным. Она войдёт в твою жизнь, поселится в твоих мыслях, будет возвращаться к тебе в самые неожиданные моменты. Ты будешь вспоминать Элис, когда поймёшь, что тоже ищешь себя. Ты будешь вспоминать Лину, когда столкнёшься с несправедливостью. Ты будешь вспоминать Дэвида, когда потеряешь кого-то важного.

И если это случится – значит, я написал её не зря.

Я написал эту книгу ещё и для тех, кто когда-либо чувствовал себя одиноким. Потому что в одиночестве есть что-то пугающее и одновременно притягательное. Это состояние, когда ты остаёшься наедине с собой и наконец-то слышишь свой настоящий голос. Мои герои часто одиноки – даже когда они вместе. Они несут своё одиночество как крест, но в конце концов понимают: настоящее одиночество невозможно, если есть память о тех, кого любишь.

Ещё эта книга – о доме. О том, что дом – это не место. Не стены, не крыша над головой, не адрес в паспорте. Дом – это люди, которые ждут тебя. Которые принимают тебя любым. Которые согревают даже на расстоянии. Мои герои ищут дом всю жизнь и находят его там, где меньше всего ожидают.

Я хочу поблагодарить тебя заранее. За то, что ты взял эту книгу в руки. За то, что прочитал эти строки. За то, что готов потратить своё время на историю, которую я придумал. Это огромная ответственность и огромная честь – знать, что кто-то там, в другом городе, в другой стране, в другом мире, сейчас проживает те же эмоции, что и я, когда писал.

И если эта книга тронет тебя, если заставит задуматься, если хоть на миг ты почувствуешь то, что чувствовали мои герои, – значит, всё было не зря. Значит, все эти бессонные ночи, все сомнения, все черновики, летящие в корзину, все моменты отчаяния, когда казалось, что ничего не получается, – всё это было ради этого момента. Ради встречи с тобой.

А теперь – прощай. Или до свидания? Потому что, как ты уже понял из эпилога, история семьи Новак и Вуд не закончена. Слишком много нитей осталось распутанными, слишком много вопросов без ответов, слишком много теней ждут своего часа. Возможно, мы встретимся снова на страницах новой книги. Возможно, судьба подарит нам ещё одно путешествие в этот тёмный, но такой живой мир.

Но это будет потом. А сейчас – вперёд. В темноту, в тайну, в прошлое, которое не отпускает. Дверь открыта. За ней ждут те, кто потерял себя, чтобы найти друг друга.

Если ты готов – входи.

С надеждой, что ты найдёшь в этой истории что-то важное для себя,

Анатолий Шигапов

ВНИМАНИЕ

Уважаемый читатель!

Прежде чем вы перевернете эту страницу и погрузитесь в мир «Хищника в зеркале», я хочу остановить вас на несколько минут и сказать несколько важных слов. Это не просто формальность и не дань традиции – это осознанная необходимость, продиктованная уважением к вам, к реальности, в которой мы живем, и к тем темам, которые поднимаются в этой книге.

О вымысле и реальности

Всё, что вы прочитаете на этих страницах, является художественным вымыслом. От первой до последней строки. Все персонажи – Элис, Лина, Дэвид, Миранда, Алекс, доктор Гаррисон и другие – полностью вымышлены. Их характеры, поступки, мысли, чувства и судьбы – плод моего воображения. Любое сходство с реальными людьми, живущими или умершими, а также с реальными событиями, организациями или местами является случайным и непреднамеренным. Я не знал и не мог знать реальных прототипов, и если какие-то совпадения возникли – это лишь игра случая, которую невозможно было предвидеть.

Психиатрическая клиника «Тихая гавань», описанная в книге, не существует в реальности. Это собирательный образ, созданный для развития сюжета. Методы лечения, упомянутые в романе – электрошоковая терапия, применение транквилизаторов, изоляция пациентов, – показаны в контексте конкретной истории и не являются рекомендациями к применению или отражением реальной медицинской практики. Я глубоко уважаю труд врачей-психиатров, психологов, медсестер и всего персонала психиатрических учреждений, которые ежедневно спасают жизни, помогают людям справляться с тяжелейшими состояниями и возвращают их к нормальной жизни. Реальная психиатрия не имеет ничего общего с теми ужасами, которые иногда показывают в книгах и фильмах, и я призываю вас не переносить вымышленные образы на реальность.

О целях и задачах книги

Эта книга – психологический триллер. Её главная цель – развлечь читателя, увлечь его в мир загадок и тайн, заставить сопереживать героям, испытать сильные эмоции: страх, тревогу, надежду, радость от разгадки. Я стремился создать напряженное повествование, которое держит в тонусе от первой до последней страницы. Но важно понимать: всё, что происходит с героями, остается на страницах книги.

Я ни в коем случае не призываю к каким-либо действиям, описанным в романе. Я не призываю к насилию, к самосуду, к нарушению законов, к свержению существующего строя или к каким-либо формам мести. Мои герои совершают страшные ошибки, порой переступают черту, но они делают это в рамках вымышленного сюжета, движимые вымышленными мотивами. В реальной жизни правосудие должно осуществляться только в рамках закона. Никакие личные обиды, никакая боль, никакая несправедливость не дают права брать закон в свои руки. Для этого существуют суды, правоохранительные органы, система социальной защиты. И если вы чувствуете, что стали жертвой несправедливости, – обращайтесь к специалистам, а не пытайтесь решать проблемы так, как это делают мои герои.

О влиянии книг на реальность

Я верю, что литература способна менять людей. Хорошая книга может заставить задуматься, может открыть глаза на что-то важное, может помочь пережить трудные времена. Но литература не должна становиться руководством к действию. Чтение триллеров – это безопасный способ испытать острые ощущения, не покидая уютного кресла. Это возможность прожить чужую жизнь, чужие страхи, чужие победы, оставаясь при этом в безопасности.

Если после прочтения этой книги вы почувствуете гнев, желание отомстить обидчикам, подозрительность к окружающим – пожалуйста, остановитесь и подумайте. Это всего лишь

эмоции, вызванные вымыслом. Не переносите их в реальную жизнь. Не позволяйте литературным образам управлять вашими поступками. Вы сильнее любой книги, вы умнее, вы способны отделять правду от вымысла.

О психическом здоровье

Эта книга касается тяжелых тем: потеря близких, насилие, психические расстройства, долгая изоляция, суицид. Если вы переживаете подобные трудности в реальной жизни, если вы чувствуете, что не справляетесь, что мир рушится, что выхода нет, – пожалуйста, не оставайтесь один на один с этими мыслями. Обратитесь за помощью. Существуют люди и организации, готовые поддержать вас. Психологи, психотерапевты, телефоны доверия, группы поддержки – вы не одиноки. Ваша жизнь ценна, и любые трудности преодолимы, если рядом есть те, кто готов помочь.

В разных странах существуют свои службы поддержки. Найдите их, запишите номера, сохраните в телефоне. Иногда один звонок может спасти жизнь.

О героях и их поступках

Мои герои – не образцы для подражания. Они ошибаются, мучаются, падают, поднимаются и снова ошибаются. Они совершают поступки, которые могут вызвать у вас осуждение, непонимание или даже гнев. Это нормально. Литература для того и существует, чтобы мы могли спорить с персонажами, не соглашаться с ними, видеть их слабости. Но помните: они – лишь литературные персонажи. Их путь – не ваш путь. Их выбор – не ваш выбор. Вы можете учиться на их ошибках, но не должны их повторять.

В заключение

Читайте, сопереживайте, бойтесь и радуйтесь вместе с героями. Позвольте этой истории увлечь вас, перенести в другой мир, заставить сердце биться чаще. Но возвращаясь в реальность, оставляйте все страхи и переживания на страницах книги. Живите свою жизнь – настоящую, полную красок, возможностей и любви. Цените тех, кто рядом. Берегите себя.

И помните: это всего лишь книга.

С уважением к вам и к реальности, в которой мы живем,

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Глава 1. Кровавый автограф

«В каждом убийстве есть автограф. Иногда это почерк, иногда – жест, иногда – молчание. Но самый страшный автограф – тот, который ты оставляешь в собственной памяти»
Из дневников специального агента Элис Вуд

Осенний Нью-Йорк встретил утро серым, тяжёлым небом, которое низко нависало над крышами Манхэттена, будто собиралось раздавить город своей влажностью. Моросил мелкий дождь, и асфальт блестел, отражая жёлтые огни такси и красные хвосты стоп-сигналов. В таком свете даже небоскрёбы казались декорациями к нуарному фильму – уместными, но ненастоящими, словно кто-то невидимый мог в любой момент сказать «снято», и всё это исчезло бы, оставив после себя только пустоту и запах озона.

Элис Вуд стояла у ограждения из жёлтой полицейской ленты уже двадцать минут. Она не шевелилась, только смотрела на тело, которое лежало на газоне небольшого сквера между домами на Верхнем Ист-Сайде – месте, где обычно выгуливают дорогих собак и пьют латте навынос, обсуждая последние новости с Уолл-стрит и успехи детей в престижных школах. Сейчас здесь не было ни собак, ни латте, ни праздных разговоров. Только равнодушный дождь, смывающий кровь в пожухлую траву, и люди в синих ветровках с надписью «NYPD» на спине,

которые двигались медленно и сосредоточенно, как муравьи вокруг потревоженного муравейника.

Элис не надевала ветровку. Она стояла в чёрном пальто, которое промокло насквозь, но не чувствовала холода. За десять лет работы в ФБР она привыкла к таким утркам – к запаху сырой земли и крови, к равнодушному шуму города за спиной, к лицам мёртвых, которые смотрели в небо с немим вопросом. Но к этому лицу она не могла привыкнуть. Оно почему-то цепляло её, заставляло возвращаться взглядом снова и снова.

Женщина была молодой – лет двадцати пяти, не больше. Длинные тёмные волосы разметались по земле, впитывая влагу и становясь ещё темнее, почти чёрными. Глаза её были открыты и смотрели в никуда – в то серое небо, которое равнодушно поливало её дождём. Но самое страшное – рот. Он был искривлён в неестественной, застывшей гримасе, которая отдаённо напоминала улыбку. Не улыбку покоя, не улыбку облегчения – улыбку, полную горькой иронии, будто в последний момент жизни она увидела что-то, что заставило её усмехнуться собственной смерти.

– Кто её нашёл? – спросила Элис, не оборачиваясь. Голос прозвучал сухо, будто она не говорила, а высекала искры из кремня.

– Уборщик из соседнего офиса, в шесть утра, – ответил подошедший детектив. Марти Коул работал с ней уже три года, и за это время они успели изучить друг друга достаточно хорошо, чтобы обходиться без лишних слов. Марти был из тех полицейских, которые всё делают по правилам, но при этом умеют не мешать профайлерам – редкое качество, которое Элис ценила больше, чем профессиональные навыки. – Шёл на работу, увидел ноги из-за кустов. Вызвал копов. Мы приехали через семь минут.

– Семь минут, – повторила Элис задумчиво. – Для убийцы этого достаточно, чтобы уйти. Если он вообще уходил.

– Думаешь, мог остаться? – Марти подошёл ближе, тоже вглядываясь в лицо жертвы.

– Такие всегда остаются. Не физически – ментально. Они любят смотреть на свою работу. Любуются ею. – Она наконец оторвала взгляд от лица и оглядела окрестные здания. – Есть камеры?

– Уже проверяем. Но этот район – мёртвая зона для наблюдения. Богатые жилыцы не любят, когда за ними следят. Камеры только на главных улицах.

– Удобно, – Элис сделала шаг ближе к телу, приседая на корточки. Криминалисты уже закончили первичный осмотр, и теперь судмедэксперт – женщина в очках с толстой оправой, которую Элис знала уже лет пять – ждала разрешения забрать труп.

– Что скажете, доктор Рид? – спросила Элис, вглядываясь в раны на теле жертвы.

Марта Рид поправила очки и подошла ближе. Она была из тех экспертов, которые не любят лишних слов, но умеют видеть то, что скрыто от глаз обычных людей.

– Смерть наступила примерно между двумя и тремя часами ночи, – начала она, разворачивая планшет с предварительными заметками. – Точнее скажу после вскрытия, но по температуре тела и степени окоченения – два-три часа. Причина – множественные колото-резаные раны. Всего... – она заглянула в записи, – двадцать семь. Удар наносился с большой силой, но хаотично. Не профессионально.

– Хаотично, но двадцать семь раз, – Элис нахмурилась. – Это не хаос. Это ритуал. Или ярость. Очень личная ярость.

– Согласна, – кивнула Марта. – Но не это самое интересное.

– А что самое интересное?

– Вот это.

Марта указала на левую руку жертвы. Кисть была неестественно вывернута, а пальцы сложены в странную фигуру – большой и указательный вытянуты, остальные сжаты в кулак.

Кто-то явно придал руке такое положение после смерти – мышцы уже начали коченеть, и для того, чтобы сложить пальцы именно так, потребовалось бы усилие.

– Жест? – предположил Марти, подходя ближе. – Может, какой-то знак?

– Не просто жест, – тихо сказала Элис. Она достала из кармана телефон, открыла фотографию, которую прислали ей утром из офиса прямо перед выездом на место. – Это «пистолет». Детская игра, знаете? Когда дети изображают пальцами пистолет и говорят «пиф-паф». Но в контексте...

Она поднялась и показала коллегам экран. На нём была обложка книги: тёмная, почти чёрная, с размытым силуэтом женщины, стоящей на краю обрыва, и крупным красным названием «Последний выстрел». Автор – Дэвид Моррисон. Имя, известное каждому, кто хоть раз заходил в книжный магазин в последние пять лет.

– Тот самый бестселлер? – спросил молодой патрульный, который стоял неподалёку и явно прислушивался к разговору старших коллег.

– Тот самый, который ещё не вышел, – поправила Элис, не оборачиваясь к нему. – Релиз через две недели. Но я получила сигнал от издательства сегодня утром, ещё до того, как приехала сюда. Кто-то слил им фото места преступления. Или...

– Или убийца читал книгу, – закончил Марти, понимая, к чему она клонит.

– Или писал её.

Элис открыла прикрепленный к сообщению файл. Это была выдержка из романа Моррисона – сцена убийства, которую издатели прислали в ФБР с пометкой «срочно» и грифом «конфиденциально». Она пробежала глазами по строкам и почувствовала, как внутри шевельнулось что-то холодное, липкое, знакомое каждому, кто хоть раз сталкивался с настоящим злом.

«Она лежала на мокрой траве, и дождь смывал кровь с её лица, стирая последние следы того, кем она была при жизни. Он наклонился над ней, чувствуя, как холод медленно пробивается сквозь подошвы ботинок, и аккуратно, почти нежно, сложил её пальцы в пистолет – последний жест, который никто не поймёт, кроме него самого. Улыбка на её лице была его подписью. Его автографом. Он смотрел на неё и думал: теперь ты навсегда моя. Теперь ты часть моей истории».

– Это описание совпадает до мелочей, – сказала Элис, пряча телефон в карман и чувствуя, как пальцы слегка дрожат – от холода или от напряжения, она не знала. – Даже поза, даже дождь, даже эта чёртова улыбка. Моррисон либо ясновидящий, либо...

– Либо сам там был, – закончил Марти, и в его голосе прозвучало то, что Элис не слышала у него уже давно – страх.

– Либо он там был, – повторила она, снова опуская взгляд на тело. – Или тот, кто был там, читал его книгу. Или писал её вместе с ним. Или...

Она замолчала, потому что вдруг поняла: это убийство – не просто убийство. Это послание. Кому-то. Может быть, самому Моррисону. Может быть, полиции. Может быть, ей.

Элис ещё раз посмотрела на лицо мёртвой женщины и вдруг поймала себя на мысли, что та напоминает ей кого-то. Кого-то из далёкого прошлого, чьё лицо стёрлось из памяти, но осталось в подсознании тяжёлым камнем, который время от времени давит на сердце, напоминая о себе в самые неподходящие моменты.

– Миранда, – прошептала она едва слышно, одними губами.

– Что? – переспросил Марти, наклоняясь ближе.

– Ничего. – Элис резко выпрямилась, отбрасывая наваждение. – Просто показалось. Знаете, бывает – лицо знакомое, а вспомнить не можешь.

– Бывает, – согласился Марти, но в его глазах мелькнуло что-то – понимание? сочувствие? Он знал о её сестре, о том старом нераскрытом деле, которое висело на ней грузом все эти годы. Знал, но никогда не заговаривал первым.

Элис отвернулась от тела и пошла к машине, чувствуя спиной взгляды коллег. Нужно было ехать к Моррисону. Нужно было понять, что за игру ведёт этот писатель, чьи книги расходились миллионными тиражами, а теперь, похоже, стали инструкцией для убийцы.

Но внутри неё уже запустился механизм, который не останавливался никогда: сопоставление фактов, поиск связей, попытка залезть в голову убийцы, понять его мотивы, его желания, его страхи. Только сейчас к этому примешивалось что-то личное – ощущение, что нити этого дела ведут не просто в тёмные закоулки города, а куда-то глубже, в те слои памяти, которые она старалась не тревожить, потому что каждый раз, касаясь их, чувствовала, как рассыпается на части.

Дождь усилился. Элис села в машину, включила печку на полную, чтобы хоть немного согреться, и набрала номер, который дали в издательстве. Пока шли гудки, она смотрела на свои руки – тонкие, с длинными пальцами, которые умели быть и нежными, и жёсткими, в зависимости от обстоятельств. На безымянном пальце правой руки всё ещё была едва заметная полоска от обручального кольца, которое она сняла три года назад, после развода. Иногда ей казалось, что след этот никогда не исчезнет – как шрамы на душе, которые не заживают до конца.

Трубку сняли после третьего гудка.

– Дэвид Моррисон? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно и официально.

– Да, – ответил низкий, немного усталый голос. В нём чувствовалась та особенная хрипотца, которая бывает у людей, либо не спавших всю ночь, либо много курящих. Или и то, и другое сразу.

– Специальный агент ФБР Элис Вуд. Нам нужно встретиться. Немедленно.

Пауза. Такая долгая, что Элис уже собралась повторить, но затем в трубке раздалось:

– Я ждал этого звонка.

И что-то в этих словах – в их спокойной, почти обречённой интонации – заставило её сердце биться быстрее.

Она нажала на педаль газа и выехала с места преступления, даже не обернувшись. В зеркале заднего вида остался сквер, жёлтая лента, фигуры полицейских и тело, которое накрывали чёрным мешком. Осталась женщина, чьё имя они узнают только через несколько часов, когда найдут документы и оповестят родственников.

Осталась загадка, которую предстояло разгадать.

Но Элис не знала тогда, что эта загадка – лишь первый кусочек мозаики, которая сложится в картину, способную разрушить всё, во что она верила.

Манхэттен проплывал за окном машины сплошным потоком мокрого стекла и бетона. Элис вела быстро, но аккуратно – привычка, выработанная годами работы, когда каждая секунда может стоить жизни, но лихачество может стоить ещё больше. Она думала о Моррисоне, о его книгах, которые читала когда-то давно, ещё до того, как стала профайлером.

Дэвид Моррисон был феноменом в мире литературы. Он появился из ниоткуда десять лет назад с дебютным романом «Тень в зеркале», который мгновенно стал бестселлером. Критики хвалили его за глубокое понимание человеческой психологии, за умение залезать в головы самых тёмных персонажей, за ту пугающую реалистичность, с которой он описывал насилие. Потом были другие книги – «Игра в молчанку», «Последний свидетель», «Те, кто смотрит из темноты». Все они становились бестселлерами, все получали премии, все экранизировались. Сам Моррисон вёл замкнутый образ жизни, редко давал интервью и почти не появлялся на публике. Его называли современным Достоевским, наследником Стивена Кинга, гением психологического триллера.

И вот теперь этот гений оказался в центре расследования убийства, которое в точности повторяло сцену из его ещё не вышедшего романа.

– Совпадений не бывает, – пробормотала Элис себе под нос, сворачивая на улицу, где жил Моррисон.

Сохо встретил её мокрыми мостовыми и редкими прохожими, которые торопились укрыться от дождя под козырьками кафе и магазинов. Элис припарковалась у старого здания с чугунными фасадами – такими, которые так любят архитектурные критики и так ненавидят жильцы из-за вечных сквозняков и проблем с отоплением. Набрала код домофона, который ей дали в издательстве, и через минуту уже поднималась в лифте на четвёртый этаж.

Дверь открылась ещё до того, как она успела позвонить. На пороге стоял высокий мужчина в чёрном свитере и джинсах – худой, с резкими чертами лица и глубоко посаженными серыми глазами, которые смотрели с настороженным любопытством человека, привыкшего изучать других, но не любить, когда изучают его. Ему было около сорока, но выглядел он старше – возможно, из-за седины на висках, густой и беспощадной, или из-за той постоянной тени усталости, которая лежала на его лице, делая его почти прозрачным в тусклом свете коридора.

– Агент Вуд, – сказал он, отступая в сторону. Голос был тот же, что по телефону – низкий, с хрипотцой. – Проходите. Кофе? Чай? Что-то покрепче? Судя по вашему виду, покрепче не помешало бы ни вам, ни мне.

– Кофе, – ответила Элис, переступая порог. – Чёрный, без сахара.

– Я так и думал.

Она прошла в гостиную и остановилась, поражённая открывшимся видом. Квартира занимала весь этаж и была обставлена с той продуманной небрежностью, которая обычно выдаёт либо очень богатых людей, либо очень творческих, либо тех, кто одновременно является и тем, и другим. Здесь было много книг – они громоздились на стеллажах от пола до потолка, лежали стопками на полу, на подоконниках, даже на журнальном столике, где раскрытая рукопись соседствовала с остывшей чашкой кофе и полной пепельницей. Несколько чёрно-белых фотографий на стенах – заброшенные здания, пустые дороги, одинокий человек в плаще, идущий по мосту в тумане. И ни одного цветного пятна, если не считать оранжевого пламени в камине, который горел, несмотря на то, что центральное отопление работало исправно.

– Садитесь, – Дэвид указал на кожаное кресло у камина, а сам скрылся за дверью, откуда вскоре донёсся звук кофемашины.

Элис не села в кресло. Вместо этого она подошла к книжным полкам и принялась изучать корешки. Книги по криминальной психологии, несколько томов Достоевского, собрание сочинений Томаса Харриса, биографии серийных убийц, отчёты ФБР по профайлингу. На отдельной полке – всё, что написал сам Моррисон. Семь романов, переведённых на десятки языков, экранизированных, отмеченных премиями. Элис читала два из них – профессиональный интерес. Они были мрачными, умными и пугающе реалистичными, словно автор сам побывал в шкуре и жертвы, и убийцы.

– Увлекаетесь? – раздалось за спиной.

Элис обернулась. Дэвид стоял с двумя чашками в руках и смотрел на неё с лёгкой усмешкой, которая, впрочем, не касалась его глаз. Глаза оставались серьёзными, изучающими.

– Профессиональный интерес, – ответила она, принимая чашку. Кофе оказался отличным – крепким, с горчинкой, точно таким, как она любила. – Ваши книги очень... точны. Откуда такая осведомлённость?

Дэвид пожал плечами и опустился в кресло, жестом приглашая её последовать его примеру.

– Исследования. Много читаю, много смотрю. Разговариваю с экспертами. – Он сделал глоток кофе. – Ничего незаконного, если вы об этом.

– Я не об этом, – Элис наконец села на диван, напротив него, так чтобы видеть и дверь, и окно – привычка, от которой она не могла избавиться даже в гостях у потенциального свиде-

теля. – Ваши описания убийств, мотивы преступников, их мысли – это не просто исследования. Это что-то другое. Будто вы сами там были.

Дэвид замер на секунду, и Элис заметила, как дрогнули его пальцы, сжимающие чашку. Но лицо осталось невозмутимым.

– Хороший писатель должен уметь влезать в шкуру своих персонажей, – сказал он спокойно. – Иначе читатель не поверит.

– Верю, – кивнула Элис. – Но сегодня утром в сквере на Ист-Сайде нашли тело женщины. Убита примерно так, как описано в вашем новом романе. Вплоть до положения руки. Вплоть до улыбки на лице.

Тишина повисла в комнате, тяжёлая, как одеяло. Дэвид смотрел на неё, не мигая, и Элис видела, как в его глазах что-то меняется – усталость сменяется тревогой, тревога – страхом. Он поставил чашку на стол и потёр лицо ладонями, словно пытаясь стереть с него только что услышанное.

– Я слышал в новостях, – сказал он тихо. – Ещё не знал деталей, но... боже. Я надеялся, что это совпадение.

– Совпадений не бывает, мистер Моррисон. По крайней мере, в моей работе. – Элис поставила чашку рядом с его и посмотрела ему прямо в глаза. – Ваша книга ещё не вышла. Кто, кроме вас и редакторов, знает сюжет?

– Никто. Я работаю один. Редакторы читают уже готовый текст, но до правок они видят только общую канву. Деталей убийств никто не знает, кроме меня.

– Вы уверены?

Он на мгновение задумался, потом его лицо изменилось – в нём появилось что-то, похожее на тревожное воспоминание. Он встал, подошёл к письменному столу в углу комнаты, выдвинул ящик и достал тонкую папку.

– Были письма, – сказал он негромко, возвращаясь и протягивая папку Элис. – Последние полгода я получаю странные послания. Без обратного адреса, иногда вообще без марок – просто подброшены в почтовый ящик. Сначала я думал, что это фанаты, которые хотят поделиться теориями о моих книгах. Потом...

Он замолчал, давая ей возможность прочитать.

Элис открыла папку. Внутри лежало с десятков листов, исписанных аккуратным, почти каллиграфическим почерком – ровные строчки, одинаковые буквы, никаких помарок. Она взяла первый лист, датированный началом года, и пробежала глазами:

«Уважаемый мистер Моррисон, я прочитала все ваши книги. Каждую по несколько раз. Я знаю их наизусть, знаю каждую сцену, каждую реплику, каждый вздох ваших персонажей. Но последняя – та, которую вы пишете сейчас, – особенная. Я знаю, о чём она. О том, как трудно убежать от прошлого, когда оно дышит тебе в спину. О том, что убийца всегда оставляет знак, даже если никто его не замечает. В вашей новой книге это будет пистолет из пальцев. Я права?»

– Откуда она могла знать про пистолет из пальцев? – спросила Элис, поднимая глаза. Внутри неё разрасталось холодное, липкое чувство – то самое, которое всегда предшествовало близости к разгадке, но сейчас оно было смешано с чем-то ещё, с чем-то личным.

– Понятия не имею. – Дэвид сел обратно в кресло, но теперь он не выглядел спокойным – он был напряжён, как струна. – Я никому не рассказывал. Даже издателю отправил только половину рукописи, а сцена убийства была во второй половине. Я думал, что это какое-то невероятное совпадение, может быть, она угадала, прочитала мои старые книги и нашла закономерность. Но потом пришли другие письма.

Элис пролистала остальные. В каждом были детали, которые посторонний знать не мог: цвет платья жертвы, время суток, орудие убийства, даже погода. И все они совпадали с тем, что Дэвид написал в романе – романе, который ещё никто не видел.

– Вы пытались выяснить, кто автор?

– Да. Я нанял частного детектива. – Дэвид достал из кармана помятую визитку и протянул ей. – Он отследил, что письма отправляются из одного района, но точный адрес не нашёл. Сказал, что там много почтовых ящиков, много корреспонденции, сложно отследить. А потом он сказал, что это, скорее всего, делается из какого-то учреждения. Там, где много людей, много писем, можно незаметно подбросить своё в общую кучу.

– Из учреждения? – Элис нахмурилась. – Больница? Тюрьма? Что за учреждение?

– Психиатрическая клиника. – Голос Дэвида дрогнул. – Детектив выяснил, что все письма проходили через сортировочный центр, который обслуживает закрытое медицинское учреждение на севере штата. Клиника «Тихая гавань».

Элис почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с промокшим пальто. Она знала это место. «Тихая гавань» была знаменита не столько лечением, сколько своими пациентами – теми, кого общество предпочло забыть, заперло за высокими стенами с колючей проволокой. Убийцы, признанные невменяемыми, люди с тяжёлыми диссоциативными расстройствами, несколько знаменитых маньяков, отбывающих пожизненное в психушке вместо тюрьмы. Место, откуда не выходят, потому что выйти оттуда можно только в гробу.

– И вы не сообщили об этом в полицию? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– А что бы я сообщил? – Дэвид горько усмехнулся. – Что какой-то сумасшедший фанат угадывает сюжет моей книги? Полиция бы надо мной посмеялась. И потом... – он запнулся, отвёл взгляд. – Я боялся, что если это станет известно, издательство отложит релиз. А для меня эта книга особенная.

– Чем?

Дэвид посмотрел на неё долгим взглядом, потом отвернулся к камину, глядя на пляшущие языки пламени.

– Это моя самая личная вещь. – Голос его звучал глухо, словно он говорил не ей, а огню. – Я писал её о себе. О том, что я помню и чего не помню. О том, что снится мне по ночам. О снах, в которых я бегу сквозь огонь и слышу детский плач. Если там есть совпадения с реальным убийством... значит, этот человек каким-то образом залез ко мне в голову. Или... – он замолчал.

– Или что?

– Или я сам туда залез. В его голову. Не знаю. Я ничего не знаю.

Элис молчала, переваривая информацию. Потом она аккуратно сложила письма обратно в папку и убрала в свой портфель.

– Я заберу это с собой. И мне нужно, чтобы вы дали показания. Официально, в нашем офисе. Чем раньше, тем лучше.

– Хорошо. – Дэвид кивнул. – Я готов помочь.

Она поднялась, собираясь уходить, но у двери остановилась и обернулась.

– Мистер Моррисон, у вас есть враги? Люди, которые могли бы желать вам зла? Которые могли бы хотеть вас подставить?

Он горько усмехнулся, и в этой усмешке было столько боли, что Элис на мгновение показалось – он сейчас рассыплется на части.

– Агент Вуд, я писатель. У меня тысячи врагов – все те, кому не нравятся мои книги. Критики, которые пишут разгромные рецензии. Конкуренты, которые завидуют моим тиражам. Читатели, которые считают, что я должен был написать иначе. Но чтобы кто-то пошёл на убийство, чтобы подставить меня? Нет. Я никому не нужен настолько сильно. Я просто человек, который пишет истории. И мои истории никого не стоят жизни.

Элис посмотрела на него – на этого высокого, худого человека с седыми висками и уставшими глазами, который писал о смерти, но, кажется, сам боялся её больше, чем кто-либо другой.

– Вы ошибаетесь, – сказала она тихо. – Ваши истории уже стоили жизни. И, боюсь, это только начало.

Она вышла, оставив его одного в полумраке квартиры, где пахло кофе и книгами и где только что рухнула иллюзия безопасного существования.

В лифте она достала телефон и набрала номер Марти.

– Марти, пробей одну клинику. «Тихая гавань», на севере штата. Мне нужен список всех пациентов и персонала за последние полгода. И особенно те, кто имеет доступ к отправке писем. И ещё – проверь, не было ли там за последнее время каких-то инцидентов. Пожаров, побегов, чего угодно.

– Будет сделано, – ответил детектив, и в его голосе послышалось напряжение. – А что там?

– Возможно, наш убийца не просто читал книгу. Возможно, он её соавтор. Или даже герой.

Она нажала отбой и вышла из здания под дождь, который всё ещё лил, равнодушный к человеческим трагедиям. Вода стекала по лицу, смешиваясь с капельками пота – несмотря на холод, ей было жарко. Внутри нарастало странное возбуждение, которое всегда предшествовало близости к разгадке. Но сейчас к нему примешивался страх. Потому что что-то в этой истории – в этих письмах, в этой клинике, в этом писателе с его книгами о прошлом – казалось ей смутно знакомым. Что-то, что она не могла ухватить, но что уже тянуло к ней щупальца из темноты, из тех глубин памяти, которые она так старательно запечатала много лет назад.

Она села в машину, завела двигатель и долго сидела, глядя на мокрое ветровое стекло, по которому бежали капли, размывая очертания города. Где-то там, за пеленой дождя, в клинике «Тихая гавань», молчала женщина, которая знала ответы. Женщина по имени Лина Новак, которая не произнесла ни слова за десять лет.

Элис ещё не знала, что эта женщина – ключ не только к убийству в сквере, но и к её собственной жизни. Что встреча с ней перевернёт всё, во что она верила, и заставит вспомнить то, что было забыто пятнадцать лет назад.

Она нажала на педаль газа и выехала на мокрую дорогу, оставляя позади Сохо, оставляя позади писателя с его страхами, оставляя позади тело женщины с пальцами, сложенными в пистолет.

Впереди была темнота. И в этой темноте кто-то ждал.

Глава 2. Писатель и его тень

«Писатель думает, что он создаёт свои истории. Но на самом деле истории создают его. Они ждут в темноте, терпеливые, как пауки, и однажды плетут паутину, из которой уже не выбраться».

Дэвид Моррисон, из интервью журналу «The New Yorker», 2018 год

Элис не спала всю ночь.

Она сидела в своём кабинете на двадцать третьем этаже федерального здания, окружённая стопками бумаг, фотографий и отчётов, которые Марти сбросил ей на электронную почту ещё вечером. За окном дождь то усиливался, то стихал, и огни Манхэттена расплывались в мокром стекле цветными кляксами, напоминая ей палитру художника-импрессиониста, только вместо красок здесь были неон, кровь и отчаяние.

Она разложила перед собой письма, которые забрала у Моррисона. Десять листов, десять посланий из темноты, десять шагов в бездну чужого сознания. Элис перечитывала их снова и снова, пытаясь уловить ритм, интонацию, скрытые намёки. Автор писал на английском без-

упречно, но в построении фраз чувствовалось что-то неестественное, будто язык не был для неё родным, хотя ошибок не было. Или это был человек, который слишком много читал классическую литературу и невольно подражал стилю викторианских романов.

«Мистер Моррисон, ваши книги – единственное, что удерживает меня в этом мире. Когда я читаю ваши строки, мне кажется, что вы сидите рядом и рассказываете мне истории, которые никто другой не может рассказать. Вы знаете меня. Вы всегда знали. И я знаю вас. Я знаю, что вы пишете сейчас. Я знаю про женщину в красном платье, про дождь, про пистолет из пальцев. Я знаю, потому что я там была. Я всегда там, где вы».

Элис отложила письмо и потёрла виски. Голова раскалывалась от недосыпа и напряжения. Кофе в кружке давно остыл, но она продолжала машинально подносить её к губам, каждый раз морщась от горечи.

Второе письмо было ещё более тревожным:

«Вы боитесь темноты, мистер Моррисон. Я знаю это, потому что я тоже боюсь. Но моя темнота – внутри меня. Я ношу её с собой, как носят ребёнка под сердцем. Она растёт, шевелится, требует выхода. Ваши книги помогают мне выпускать её наружу. Спасибо вам за это. Без вас я бы сошла с ума. Или уже сошла?»

– Кто ты? – прошептала Элис, вглядываясь в ровные строчки. – Сумасшедшая фанатка? Или кто-то, кто действительно знает Моррисона?

Она открыла ноутбук и набрала в поиске: «Дэвид Моррисон биография». Страница за страницей – стандартные факты: родился в Нью-Йорке, учился в Колумбийском университете, дебютный роман в 2010 году, семь бестселлеров, куча премий. Ни слова о родителях, о детстве, о том, откуда взялся этот феноменальный талант. В интервью он всегда уходил от личных вопросов, ссылаясь на то, что «писатель должен оставаться в тени своих книг».

Но Элис знала: тени всегда отбрасывают что-то. Или кого-то.

Она достала телефон и набрала номер Марти. Было уже за полночь, но детектив, как и она, не спал – на такие дела не спят.

– Есть что-нибудь по клинике? – спросила она без предисловий.

– Есть, – голос Марти звучал возбуждённо, что для него было редкостью. – «Тихая гавань» – это не просто психушка. Это учреждение закрытого типа для особо опасных преступников, признанных невменяемыми. Там сидят убийцы, маньяки, педофилы – все, кого общество хочет забыть. Уровень безопасности выше среднего. Но самое интересное – десять лет назад там был пожар.

– Пожар? – Элис насторожилась.

– Да. В 2005 году. Сгорело одно из отделений. Погибли трое пациентов и двое сотрудников. Один из них – доктор Филипп Новак, заведующий отделением. В ту же ночь сгорел его дом в пригороде. Погибли жена и двое детей. Следователи связали эти события, но виновного не нашли. Решили, что это несчастный случай, замыкание проводки или что-то в этом роде.

Элис похолодела.

– Новак? – переспросила она. – Филипп Новак?

– Да. А что?

– Лина Новак – пациентка в «Тихой гавани». Которая молчит десять лет. Дочь того самого Новака?

– Выходит, что так, – подтвердил Марти. – Она поступила туда через несколько месяцев после пожара. Переведена из другой клиники с диагнозом «посттравматическое стрессовое расстройство с психотическими эпизодами». С тех пор не разговаривает.

Элис встала из-за стола и подошла к окну. Дождь барабанил по стеклу, и огни города расплывались, как акварель.

– А сын? – спросила она. – У Новака был сын, Саймон. Что с ним?

– Тело сына нашли на месте пожара, – ответил Марти. – Опустили по зубам. Он считался погибшим.

– Считался, – повторила Элис. – А если он не погиб? Если он выжил и его кто-то забрал?

– Ты думаешь, Дэвид Моррисон – это Саймон Новак?

– Я ничего не думаю, – Элис покачала головой, хотя Марти не мог этого видеть. – Я просто сопоставляю факты. Писатель, который ничего не помнит о своём прошлом. Книжки, в которых оживают чьи-то воспоминания. Письма из клиники, где сидит его сестра. Слишком много совпадений.

– Совпадений не бывает, – эхом отозвался Марти её собственными словами.

– Именно. – Элис помолчала. – Марти, завтра утром я поеду к Моррисону снова. Надо поговорить с ним откровенно. А ты пока копай глубже. Мне нужно знать всё о семье Новак. Кто были эти люди, чем занимались, с кем общались, кто мог желать им зла.

– Сделаю. И ещё, Элис... – Марти запнулся.

– Что?

– Будь осторожна. Если Моррисон действительно Саймон Новак, а его сестра сидит в психушке и шлёт ему письма с деталями убийств... это может быть очень опасно. Для вас обоих.

– Знаю, – тихо ответила Элис. – Но выбора у меня нет. Это дело пахнет чем-то большим, чем просто убийство. И если там замешана моя сестра...

Она не договорила. Марти знал про Миранду. Все в отделе знали, но молчали.

– Держи меня в курсе, – сказал он и отключился.

Утро встретило Элис серым небом и головной болью. Она почти не спала, только задремала на час прямо в кресле, и проснулась от собственного крика – ей приснился пожар, детский плач и чьи-то руки, тянущиеся к ней из огня.

Она умылась холодной водой, выпила двойной эспрессо из автомата в коридоре и поехала в Сохо.

Дэвид Моррисон открыл дверь сразу, словно ждал её у порога. Он выглядел ещё хуже, чем вчера – под глазами тёмные круги, щетина, мокрая голова после душа.

– Агент Вуд, – сказал он, впуская её. – Я думал, вы придёте раньше.

– Были дела, – коротко ответила Элис, проходя в гостиную. – Нам нужно серьёзно поговорить.

– Я слушаю.

Они сели друг напротив друга – как вчера, но сейчас атмосфера была другой. Более напряжённой, более тяжёлой. Элис чувствовала, что Дэвид что-то не договаривает, и это её тревожило.

– Мистер Моррисон, – начала она, – я провела небольшое расследование. О клинике «Тихая гавань» и о пожаре, который там случился десять лет назад.

Дэвид вздрогнул. Его лицо побледнело.

– Зачем?

– Потому что это может быть связано с вашими письмами. И с убийством. – Элис внимательно смотрела на него. – Вы говорили, что ничего не помните о своём прошлом. Но ваши приёмные родители дали вам документы. Вы знаете, что ваше настоящее имя – Саймон Новак?

Дэвид молчал несколько секунд, потом медленно кивнул.

– Да. Я знаю.

– Знали? И не сказали мне?

– А зачем? – в его голосе появилась горечь. – Я узнал об этом только вчера, после того, как вы ушли. Я нашёл старую папку, которую приёмные родители спрятали много лет назад. Там были документы. Свидетельство о рождении. Фотографии. – Он встал, подошёл к столу и достал ту самую папку, которую Элис мельком видела в прошлый раз. – Вот.

Она взяла папку, открыла. Свидетельство о рождении Саймона Новака, фотография семьи – мужчина, женщина, двое детей. Девочка лет десяти, худенькая, с большими глазами, и мальчик постарше. Мальчик был очень похож на Дэвида.

– Это вы, – сказала Элис, показывая на мальчика.

– Да. А это Лина. – Дэвид ткнул пальцем в девочку. – Моя сестра. Она жива. Всё это время она была в этой чёртовой клинике, а я даже не знал.

– Вы не могли знать, – мягко сказала Элис. – Вам дали новое имя, новую жизнь. Это не ваша вина.

– Но она писала мне. – Дэвид сжал кулаки. – Все эти письма... она пыталась до меня достучаться, а я думал, что это сумасшедший фанат. Я даже не ответил ей. Ни разу.

– Вы не знали.

– Знал или не знал – какая разница? – Он резко развернулся и подошёл к окну, встал спиной к ней. – Она там десять лет. Молчит. А я писал книги про убийц и думал, что это моя фантазия. А это были её воспоминания. Наши общие воспоминания.

Элис подошла к нему, встала рядом.

– Дэвид, послушайте меня. Ваша сестра – не просто жертва. Она что-то знает. Что-то важное. Иначе зачем ей писать вам именно сейчас, после стольких лет? Она хочет, чтобы вы пришли. Чтобы вы помогли.

– Я поеду туда, – твёрдо сказал Дэвид. – Сегодня же.

– Я с вами. Но сначала нам нужно понять, что именно она хочет сказать. У вас есть все письма?

– Да. Я сохранил каждое.

Они сели за стол, разложили письма. Элис перечитывала их теперь с новым знанием, и многое прояснялось. Строчки о прошлом, о боли, о памяти – всё это было обращено к брату, которого Лина потеряла и надеялась найти.

– Посмотрите, – сказала Элис, указывая на одно из писем. – Здесь она пишет: «Я знаю, что ты пишешь сейчас. Я знаю про женщину в красном платье». Откуда она могла знать, если вы никому не рассказывали?

– Не знаю. – Дэвид покачал головой. – Может быть, читает мои мысли? Или... или это я пишу её мысли?

– Что вы имеете в виду?

– Я же говорю – я ничего не помню о своём детстве. Но когда пишу, иногда приходят образы. Люди. События. Я думал, что это воображение, а теперь... – Он замолчал, подбирая слова. – Теперь мне кажется, что это память. Моя память, которая возвращается через книги.

Элис смотрела на него и понимала, что этот человек говорит правду. Она видела много лжецов за свою карьеру, и Дэвид Моррисон не был похож на них. Он был растерян, напуган, раздавлен – но не лгал.

– Дэвид, – сказала она тихо, – нам нужно поехать в клинику. Поговорить с Линой. Она единственная, кто может рассказать, что случилось той ночью. И кто убивает сейчас.

– Вы думаете, это как-то связано?

– Уверена. – Элис встала. – Собирайтесь. Выезжаем через час.

Дорога на север заняла два часа. За окном машины мелькали пригороды, леса, маленькие городки с одинаковыми заправками и кафе. Дождь то усиливался, то затихал, и небо всё время оставалось тяжёлым, свинцовым, как крышка гроба.

Дэвид молчал почти всю дорогу, только иногда задавал вопросы о Лине: как она выглядит, что с ней делают, есть ли надежда на выздоровление. Элис отвечала коротко и честно: она видела только медицинские записи, пациентка содержится в отделении для особо опасных, прогнозы врачей осторожные.

– Она опасна? – спросил Дэвид, когда они уже подъезжали.

– Десять лет назад она убила человека, – ответила Элис. – Точнее, есть основания полагать, что убила. Отца семейства, который работал в той же клинике. Его нашли мёртвым через несколько дней после пожара. Лину задержали на месте преступления с ножом в руках. С тех пор она молчит.

– И её признали невменяемой?

– Да. Экспертиза показала тяжёлое диссоциативное расстройство. Она не помнит, что произошло. Или делает вид, что не помнит.

Дэвид отвернулся к окну. Лес за стеклом казался бесконечным, тёмным, враждебным.

– Знаете, – сказал он тихо, – я пишу книги об убийцах. Я пытаюсь понять их, залезть им в голову. Но сейчас, когда это касается моей собственной сестры, я понимаю, что ничего не понимаю.

– Понимать и не нужно, – ответила Элис. – Нужно просто быть рядом.

Клиника «Тихая гавань» появилась из-за поворота неожиданно – массивное серое здание в викторианском стиле, с башенками и шпилями, которые когда-то, наверное, выглядели элегантно, а теперь напоминали декорации к фильму ужасов. Высокий каменный забор с колючей проволокой поверху, ворота с охраной, камеры наблюдения на каждом углу.

Охранник долго проверял их документы, сверялся со списком, звонил кому-то, и только потом ворота медленно открылись.

– Как в тюрьме, – пробормотал Дэвид.

– Это и есть тюрьма, – ответила Элис. – Только для больных.

Они припарковались на небольшой стоянке у главного входа. Здание подавляло своими размерами и мрачностью. Стены в пятнах сырости, узкие окна с решётками, тяжёлая дубовая дверь с металлическими полосами.

Внутри пахло лекарствами, хлоркой и ещё чем-то неуловимым – запахом закрытых учреждений, где годами копится человеческое страдание.

Их встретила медсестра в накрахмаленном халате и проводила по длинному коридору в кабинет главного врача. Доктор Гаррисон оказался пожилым мужчиной с бледным лицом и цепкими глазами за тонкими очками. Он смотрел на них с вежливым интересом, но Элис сразу почувствовала фальшь – за этой вежливостью скрывалось что-то ещё. Настороженность? Страх?

– Агент Вуд, – сказал он, пожимая ей руку. – Рад познакомиться. А это, полагаю, мистер Моррисон, брат нашей пациентки?

– Да, – ответил Дэвид.

– Присаживайтесь. – Гаррисон указал на стулья перед массивным столом, заваленным бумагами. – Я ознакомился с вашим запросом. Ситуация, признаюсь, необычная. Пациентка Новак находится у нас десять лет. За это время она не произнесла ни слова. Ни с персоналом, ни с другими пациентами. Мы привыкли к её молчанию.

– Но она писала письма, – вставила Элис.

Гаррисон вздохнул, снял очки и принялся протирать их платком.

– Да, это выяснилось после вашего звонка. Мы провели внутреннее расследование. Письма действительно отправлялись из клиники. Их писала Лина и передавала санитару, который работал у нас до недавнего времени. Санитар уволен, материалы переданы в полицию.

– Зачем она это делала? – спросил Дэвид.

– Этого мы не знаем. – Гаррисон надел очки обратно. – Она не объясняет. Но учитывая, что адресатом были вы, можно предположить, что она каким-то образом узнала о вашем существовании. Возможно, видела ваши фотографии в газетах, читала ваши книги. У нас есть библиотека, доступ к литературе ограниченный, но есть.

– Я хочу её увидеть, – твёрдо сказал Дэвид.

Гаррисон посмотрел на него долгим взглядом, потом перевёл глаза на Элис.

– Это возможно. Но должен предупредить: она может не отреагировать. Может смотреть сквозь вас. Может вести себя агрессивно. За десять лет у нас не было ни одного случая, чтобы она проявила интерес к кому-то из посетителей.

– Я рискну, – ответил Дэвид.

Гаррисон пожал плечами и нажал кнопку селектора:

– Приготовьте комнату для свиданий. Пациентка Новак, через пятнадцать минут.

Их провели в небольшую комнату с белыми стенами, столом и двумя стульями по обе стороны. На столе лежала пачка бумаги и пластиковый стаканчик с водой. В углу висела камера наблюдения – красный огонёк мигал, записывая каждое движение.

Дэвид сел на стул, Элис осталась стоять у стены, чтобы не мешать. Прошло несколько минут – вечность. Потом дверь открылась.

Двое санитаров ввели женщину в больничном халате серого цвета. Она была маленького роста, худая до прозрачности, с длинными тёмными волосами, в которых уже пробивалась ранняя седина. Лицо её казалось высеченным из камня – ни одной эмоции, ни одной морщинки, словно время застыло для неё десять лет назад.

Санитары подвели её к стулу, усадили. Она не сопротивлялась, но и не помогала – просто позволила себя посадить, как куклу.

Потом она подняла глаза.

И посмотрела прямо на Дэвида.

В этом взгляде было что-то, от чего у Элис перехватило дыхание. Не узнавание, не радость, не злость. Просто – внимание. Полное, абсолютное внимание, словно она видела его насквозь, читала все его мысли, все его страхи.

– Лина, – сказал Дэвид тихо, и голос его дрогнул.

Она молчала. Только смотрела.

– Я Саймон. Твой брат. Ты помнишь меня?

Тишина. Глаза не мигали.

– Я получил твои письма. Я не знал, что это ты. Я не знал, что ты жива. Прости меня.

Ничего. Ни слова, ни жеста. Только этот пронзительный взгляд, от которого хотелось спрятаться.

Дэвид почувствовал, как к глазам подступают слёзы. Он слотнул, сжал кулаки под столом.

– Я заберу тебя отсюда, – сказал он. – Обещаю. Я найду способ. Мы найдём.

И вдруг Лина сделала неожиданное – медленно подняла руку и указала пальцем на стену. Точнее, на то, что висело на стене. Это была репродукция какой-то картины – лес, дорога, уходящая вдаль, маленькая фигурка на горизонте.

Дэвид посмотрел на картину, потом снова на Лину.

– Что? Что ты хочешь сказать?

Она перевела взгляд на него и чуть заметно улыбнулась. Первая эмоция за десять лет. А потом её лицо снова стало каменным.

Санитары подошли, взяли её под руки и увели. Дверь закрылась.

Дэвид сидел, не в силах пошевелиться. Элис подошла и положила руку ему на плечо.

– Она узнала вас, – сказала она тихо. – Это уже много.

– Что она хотела сказать? Про эту картину?

– Не знаю. Но мы выясним.

Они вышли из комнаты. В коридоре их ждал Гаррисон.

– Невероятно, – сказал он, качая головой. – Она ни разу не реагировала на посетителей. Ни разу за десять лет. Вы ей безразличны, мистер Моррисон.

– Я остаюсь здесь, – сказал Дэвид.

– Что? – удивилась Элис.

– Я остаюсь. Наймите меня санитаром, сторожем, кем угодно. Я не уеду, пока не пойму, что с ней происходит.

Гаррисон покачал головой.

– Это невозможно. Здесь строгие правила. Посторонние не могут...

– Я её брат, – перебил Дэвид. – Единственный родственник. У неё никого нет, кроме меня. Если я напишу заявление, вы не имеете права отказать мне в свиданиях.

Гаррисон задумался, потом кивнул.

– Хорошо. Я поговорю с юристом. Но на ночь вам придётся уехать. Завтра приезжайте с документами, подтверждающими родство.

Дэвид хотел возразить, но Элис мягко взяла его под руку.

– Поехали. Завтра вернёмся. Ей нужен отдых, и вам тоже.

Они вышли под дождь. Небо уже темнело, и фонари у ворот горели жёлтым, неровным светом.

– Она улыбнулась мне, – сказал Дэвид, садясь в машину. – Вы видели? Она улыбнулась.

– Видела.

– Значит, есть надежда.

Элис ничего не ответила. Она завела мотор и выехала с территории клиники. В зеркале заднего вида здание уменьшалось, пока не исчезло за пеленой дождя. Но ощущение, что за ними следят, не пропадало. Словно глаза Лины Новак продолжали смотреть сквозь стены, сквозь километры, сквозь саму реальность.

Ночью, когда они уже вернулись в город, Элис сидела в своей квартире и смотрела на фотографию Миранды, которую держала в руках. Та же худоба, те же тёмные волосы, тот же пронзительный взгляд.

– Кто ты, Лина? – прошептала она. – И кто я?

Телефон зазвонил. Марти.

– Есть новости, – сказал он без предисловий. – Я копнул историю семьи Новак. Там много странного. Отец, Филип Новак, был не просто психиатром. Он занимался экспериментальной терапией – лечение творчеством. И среди его пациентов была женщина с ребёнком. Они погибли в том же пожаре. Но тела ребёнка не нашли.

– Ребёнка? – переспросила Элис, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

– Девочка, примерно одного возраста с Линой. Звали её... – Марти сделал паузу. – Миранда.

В комнате стало тихо. Элис смотрела на фотографию сестры, и вдруг её словно ударило током.

– Миранда? – прошептала она.

– Да. Миранда Стоун. Её мать, Маргарет Стоун, была пациенткой Новака. Она умерла при пожаре, а девочка исчезла. Полиция тогда решила, что она сгорела, но тела не нашли.

– Где документы? – голос Элис дрожал. – Где дело?

– Я скинул тебе на почту. Посмотри. Там есть фото.

Элис бросилась к ноутбуку, открыла почту, загрузила файлы. И замерла.

На экране была фотография девочки лет десяти – худенькой, с тёмными волосами и большими глазами. Те же глаза, что смотрели на неё из зеркала каждое утро.

– Боже мой, – прошептала Элис. – Это же я.

Глава 3. Отпечаток прошлого

«Прошлое никогда не умирает. Оно даже не проходит. Оно просто ждёт, терпеливо, как паук в тёмном углу, чтобы однажды сплести паутину, в которую ты попадёшься, когда меньше всего этого ждёшь».

Из дневников специального агента Элис Вуд

Нью-Йорк встретил её всё тем же бесконечным дождём, который, казалось, шёл уже неделю, смывая с города не только грязь, но и краски, оставляя только серый, чёрный и мокрый асфальтовый блеск. Элис вела машину медленно, хотя дороги были почти пусты – час ночи, центр города, только редкие такси и такие же безумцы, как она, которым не спится.

В голове крутились обрывки информации, как кусочки пазла, которые никак не хотели складываться в цельную картину. Лина Новак, её брат Саймон, он же Дэвид Моррисон, пожар, клиника, письма, убийство. И теперь ещё эта девочка – Миранда Стоун, чьё тело не нашли, чьё лицо на старой фотографии смотрело на неё с экрана компьютера глазами, которые она видела каждое утро в зеркале.

– Совпадение, – прошептала Элис, но голос прозвучал неубедительно даже для неё самой.
– Просто совпадение.

Она въехала в подземный гараж своего дома в Верхнем Вест-Сайде, припарковалась на привычном месте и долго сидела в машине, глядя на бетонные стены и тусклые лампы. Мысли не отпускали. Что, если это не совпадение? Что, если она каким-то образом связана с этой семьёй? Но как? Она помнила своё детство – или думала, что помнит. Мать, отец, маленький домик в Нью-Джерси, школьные годы, потом колледж, академия ФБР. Всё было на месте, всё было логично. Кроме одного – Миранды.

Миранда появилась в её жизни, когда Элис было пятнадцать. Родители удочерили девочку из приюта – так они сказали. Маленькая, худенькая, с большими испуганными глазами, она прижималась к Элис по ночам и шептала: «Не оставляй меня». А потом исчезла. Просто вышла из школы и не вернулась. Полиция искала, но безрезультатно. Родители умерли несколько лет спустя – отец от сердечного приступа, мать от рака. И Элис осталась одна с незаживающей раной и нераскрытым делом, которое носила в себе, как носят занозу, которая никогда не выходит наружу.

Она поднялась в квартиру, не включая свет, прошла в спальню и достала из шкафа коробку. Старую, картонную, перевязанную бечёвкой. На крышке было написано: «Миранда». Элис не открывала её года два – с тех пор, как в последний раз перебирала вещи в приступе отчаянной надежды найти хоть какую-то зацепку.

Она села на пол, включила настольную лампу и развязала бечёвку.

Внутри были фотографии, рисунки, школьные тетради, пара игрушек. Элис бережно перебирала их, и каждый предмет отзывался болью в груди. Вот фото: Миранда в парке на качелях, смеётся, волосы развеваются на ветру. Вот ещё: они вдвоём, Элис обнимает сестру за плечи, обе улыбаются в камеру. Элис тогда было шестнадцать, Миранде – одиннадцать. Через год она исчезнет.

Элис взяла фото и долго всматривалась в лицо сестры. И вдруг её словно ударило током: глаза Миранды – те же глаза, что смотрели на неё с фотографии Миранды Стоун из дела Новаков. Та же форма, тот же разрез, тот же взгляд – доверчивый и немного испуганный одновременно.

– Это невозможно, – прошептала она, но пальцы уже дрожали, и сердце колотилось где-то в горле.

Она бросилась к ноутбуку, открыла файлы, которые прислал Марти, и вывела на экран фото Миранды Стоун. Рядом положила фото своей сестры. Сравнивала долго, лихорадочно, боясь поверить и боясь ошибиться.

Они были похожи. Очень похожи. Но это ещё ничего не значило – дети часто похожи друг на друга. Элис нужны были доказательства. ДНК, документы, свидетели.

Она посмотрела на часы – половина третьего ночи. Марти наверняка спит, но ей было всё равно. Она набрала его номер.

– Элис? – сонный, встревоженный голос. – Что случилось?

– Марти, мне нужно, чтобы ты нашёл всё, что можно, о Маргарет Стоун. Где она жила, откуда взялась, кто были её родственники. И особенно – о её дочери Миранде. Мне нужны фотографии, документы, всё.

– Зачем?

– Потому что, кажется, это моя сестра. – Элис сама не верила в то, что говорила. – Или... не знаю. Просто найди.

Пауза. Потом Марти сказал тихо:

– Найду. Ты как?

– Я в порядке. – Она не была в порядке. – Делай.

Она отключилась и снова уставилась на фотографии. Где-то в глубине памяти шевельнулось что-то – смутное, тёплое, как летний день. Запах дыма. Чьи-то руки, подхватывающие её. Бег через лес. Крики.

Элис зажмурилась, пытаясь удержать видение, но оно ускользнуло, оставив только головную боль и тошноту.

Она легла на пол, прямо рядом с коробкой, и закрыла глаза. Сон пришёл мгновенно – тяжёлый, без сновидений, как провал в чёрную яму.

Проснулась она от звонка телефона. За окном уже светало – серый, мокрый рассвет. Элис села, растирая затекшую шею, и взяла трубку.

– Агент Вуд, – раздался голос Марти, – я кое-что нашёл. Это надо видеть.

– Что именно?

– Маргарет Стоун была пациенткой Филипа Новака в течение трёх лет, с 2002 по 2005 год. Диагноз – диссоциативное расстройство личности, осложнённое посттравматическим синдромом. Она поступила с дочерью, которую определили в приют при клинике. В 2005 году, незадолго до пожара, Новак оформил опеку над девочкой. Официально – чтобы обеспечить ей нормальные условия. Неофициально... не знаю.

Элис слушала, затаив дыхание.

– А мать?

– Погибла при пожаре. Тело опознали по зубам. А девочка... девочка исчезла. В документах написано, что она, предположительно, тоже погибла, но тела не нашли. Дело закрыли за отсутствием состава преступления.

– Где она могла быть? – прошептала Элис.

– Не знаю. Но есть ещё кое-что. – Марти помолчал. – Я нашёл фотографию Маргарет Стоун. Хочешь посмотреть?

– Скинь.

Через минуту на экране появилось фото женщины лет тридцати, с тёмными волосами и усталыми глазами. Элис смотрела на неё и чувствовала, как внутри всё обрывается.

Это была её мать. Её настоящая мать, которую она считала погибшей много лет назад. Только звали её не Маргарет Стоун, а Анна Вуд. И умерла она не в пожаре, а от рака, когда Элис было двадцать.

Или нет?

Элис лихорадочно открыла старые фото своих родителей. Сравнила. Женщина на снимке из клиники была до жути похожа на её мать, но не идентична. Другая причёска, другой взгляд, но черты лица... Господи, это же одно лицо!

– У меня была сестра-близнец? – прошептала Элис в трубку.

– Что?

– Моя мать... у неё была сестра-близнец? Я не знаю. Я ничего не знаю.

– Элис, ты как? Может, приехать?

– Нет. Я сама. Спасибо, Марти.

Она отключилась и уставилась в одну точку. Мысли путались, накладывались друг на друга, рождали чудовищные догадки. Если Маргарет Стоун – сестра её матери, то Миранда Стоун – её двоюродная сестра. Но почему тогда фотография Миранды Стоун так похожа на её собственную сестру Миранду? Потому что это один и тот же человек?

Элис вскочила, заметалась по комнате. Этого не может быть. Этого просто не может быть.

Она схватила телефон и набрала номер Дэвида. Гудки шли долго, потом сонный голос ответил:

– Аллю?

– Дэвид, это Элис. Извините, что бужу. Мне нужно спросить вас кое-что о вашей семье.

– О семье? – он мгновенно проснулся, голос стал тревожным. – Что случилось?

– Ваш отец, Филип Новак. Он когда-нибудь упоминал женщину по имени Маргарет Стоун? Или девочку Миранду?

Тишина. Такая долгая, что Элис подумала – он отключился.

– Дэвид?

– Я... я не знаю, – голос его дрожал. – Но мне снился сон сегодня. Впервые за много лет. Мне снилась девочка. Она сидела на дереве и плакала. А я стоял внизу и говорил: «Не бойся, Миранда, я здесь». Я звал её Миранда.

У Элис перехватило дыхание.

– Что ещё?

– Пожар. Крики. И чьи-то руки, вытаскивающие меня из окна. Я не знаю, чьи.

– Дэвид, нам нужно встретиться. Срочно.

– Я собирался ехать в клинику. Сегодня утром. Я не могу ждать.

– Не едьте один. Я с вами. Ждите меня через час.

Дэвид открыл дверь в том же состоянии крайней взвинченности, в котором Элис оставила его вчера. Только сейчас к этому добавилось что-то ещё – надежда? страх? Он выглядел так, будто не спал всю ночь, и это было правдой.

– Я не мог уснуть, – сказал он, впуская её. – Всё думал о Лине. О том, что она хотела сказать той картиной.

– А я думала о другом, – Элис прошла в гостиную и села, не снимая пальто. – Дэвид, у меня к вам серьёзный разговор. Садитесь.

Он сел напротив, внимательно глядя на неё.

– Я нашла кое-что в архивах. О вашем отце, о его пациентке Маргарет Стоун и её дочери Миранде. Девочка пропала в ту же ночь, что и пожар. Её тело не нашли.

– И что? – Дэвид нахмурился.

– А то, что мою сестру, которую удочерили мои родители, звали Миранда. И она пропала пятнадцать лет назад. И она была очень похожа на ту девочку с фотографии.

Дэвид побледнел.

– Вы думаете, это одна и та же девочка?

– Я думаю, что это возможно. Но тогда возникает вопрос: кто я? Если Миранда Стоун – моя сестра, то кто мои настоящие родители? И почему я ничего об этом не знаю?

– Вы не помните своего детства?

– Помню. Но, возможно, это ложная память. – Элис сжала кулаки. – Дэвид, мне страшно. Я боюсь, что всё, во что я верила, – ложь. Что я не та, за кого себя выдаю.

Он смотрел на неё, и в его глазах было понимание.

– Я знаю это чувство, – тихо сказал он. – Когда я узнал, что я Саймон Новак, у меня земля ушла из-под ног. Но знаете, что я понял? Неважно, кем ты был. Важно, кем ты стал. Вы – агент ФБР. Вы спасаете людей. Это не меняет того, кем вы были в прошлом.

– Меняет, – прошептала Элис. – Если я связана с вашей семьёй, если я была там в ту ночь... я могу быть свидетелем. Или даже соучастником.

– Элис, – Дэвид взял её за руку, и этот жест был таким неожиданным, что она вздрогнула.
– Мы найдём правду. Вместе. Но сначала – Лина. Она знает. Она всегда знала. Поехали.

В клинику они въехали около десяти утра. Дождь кончился, и серое небо начало светлеть, обещая, может быть, просвет. Дэвид нервничал, Элис тоже, но старалась держаться профессионально.

Их встретила та же медсестра, что и вчера, и проводила в кабинет Гаррисона. Главный врач был на месте и, казалось, ждал их.

– Мистер Моррисон, агент Вуд, – сказал он, вставая. – Я подготовил документы. Вы можете видеть сестру, но, как я уже говорил, она вряд ли заговорит.

– Я хочу попробовать, – твёрдо сказал Дэвид.

– Хорошо. Но предупреждаю: сегодня она не в лучшей форме. Ночью у неё было обострение. Пришлось применить успокоительное.

– Что значит «обострение»? – насторожилась Элис.

– Она кричала. Впервые за десять лет. Кричала во сне. Повторяла одно имя: «Миранда».

Элис почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Дэвид сжал её руку.

– Мы должны её видеть, – сказал он.

Гаррисон кивнул и нажал кнопку селектора.

Лина сидела на койке в той же позе, что и вчера – сжавшись в комок, обхватив колени руками. Но сегодня в её лице было что-то другое. Она выглядела не каменной – она выглядела истощённой, как будто ночной крик высосал из неё все силы.

Дэвид сел напротив. Элис осталась у двери, наблюдая.

– Лина, – тихо сказал Дэвид. – Это я, Саймон. Твой брат.

Она подняла глаза. В них были слёзы.

И вдруг она открыла рот и произнесла:

– Ты пришёл.

Голос был хриплым, непривычным, как у человека, который десять лет не пользовался речевым аппаратом. Но это был голос. Живой, настоящий.

Дэвид замер. Элис тоже.

– Ты... ты говоришь, – прошептал Дэвид.

– Я всегда могла, – ответила Лина, и каждое слово давалось ей с трудом. – Я ждала тебя. Ждала, когда ты вспомнишь.

– Я не помню. Почти ничего.

– Помнишь. Твои книги – это память. Ты писал о том, что случилось. Только называл это вымыслом.

Элис шагнула вперёд.

– Лина, я Элис Вуд, агент ФБР. Мне нужно знать, что случилось в ту ночь. Кто убил ваших родителей?

Лина перевела взгляд на неё, и в её глазах мелькнуло что-то – узнавание? удивление?

– Ты, – сказала она тихо. – Ты тоже здесь. Я знала, что ты придёшь.

– Что значит «тоже»?

Лина помолчала, собираясь с силами. Потом заговорила, медленно, с трудом подбирая слова:

– В ту ночь был пожар. Гаррисон... он пришёл за документами отца. Они ссорились. Отец кричал, что расскажет всё полиции. А потом начался пожар. Я видела, как Гаррисон убежал. А вы... – она посмотрела на Элис. – Ты была там. Ты пряталась в шкафу. Ты всё видела.

Элис показалось, что пол уходит из-под ног.

– Я? Но меня там не могло быть. Я была в другом месте.

– Ты была там, – повторила Лина. – Ты была Мирандой. Моей приёмной сестрой. Ты жила с нами три года. А потом тебя забрали. Дали другое имя. Ты забыла.

– Это невозможно, – прошептала Элис, но в глубине души уже знала – это правда. Воспоминания, которые мучили её всю жизнь, обрывки снов, страхи – всё сходилось.

Дэвид смотрел на неё с ужасом и надеждой одновременно.

– Элис... ты моя сестра?

– Я не знаю, – голос её дрожал. – Я ничего не знаю.

Лина протянула руку и коснулась её щеки.

– Ты моя сестра, – сказала она. – Мы сёстры. Все трое.

В комнате повисла тишина, тяжёлая, как свинец.

А потом дверь распахнулась, и на пороге появился Гаррисон. Лицо его было белым как мел.

– Что здесь происходит? – рявкнул он. – Пациентка Новак, вы нарушаете режим. Санитары!

В комнату вбежали двое санитаров, схватили Лину. Она не сопротивлялась, только смотрела на брата и сестру с мольбой.

– Я вернусь, – крикнул Дэвид. – Я тебя вытащу!

Дверь захлопнулась. Элис стояла, не в силах пошевелиться. В голове крутилось одно слово: «сестра».

Гаррисон повернулся к ним.

– Вам придётся уйти, – сказал он ледяным тоном. – Пациентка нестабильна. Визиты временно запрещены.

– Вы не можете! – Дэвид шагнул к нему.

– Могу. Это моя клиника. Если не уйдёте добровольно, вызову охрану.

Элис взяла Дэвида за руку.

– Идём, – сказала она твёрдо. – Но мы вернёмся, доктор Гаррисон. Очень скоро.

Они вышли в коридор, но не к выходу, а в другую сторону. Элис вела Дэвида быстро, почти бегом.

– Куда мы?

– Нам нужно поговорить с ней ещё. Без Гаррисона. Я знаю, где её палата. Вчера я изучила план клиники.

Они свернули за угол, потом ещё раз. Остановились перед дверью с номером 27. Элис приложила ухо – тихо.

– Лина, – позвала она шёпотом.

Из-за двери донёсся тихий голос:

– Я здесь.

– Мы вытащим тебя, – сказал Дэвид. – Обещаю.

– Нет, – ответила Лина. – Не сейчас. Идите. Он следит. Он всегда следит. Но запомните: правда в документах. В подвале старого дома. Там всё.

– В каком доме?

– В нашем. Где мы жили. Саймон, ты помнишь дорогу?

Дэвид закрыл глаза, пытаясь вспомнить.

– Кажется... да. Лес, река, старый дом на холме.

– Иди туда. Найди тайник. И берегитесь Гаррисона. Он не тот, кем кажется.

– А ты? – Элис прижалась к двери. – Что с тобой будет?

– Я ждала десять лет. Подожду ещё немного. Идите.

Они отступили от двери, переглянулись. И вдруг услышали шаги в конце коридора. Гаррисон с двумя санитарями.

– Быстро! – Элис схватила Дэвида за руку, и они бросились к лестнице.

Они выбежали из клиники, сели в машину и умчались, не оглядываясь. Только когда «Тихая гавань» скрылась за поворотом, Элис перевела дыхание.

– Что теперь? – спросил Дэвид.

– Теперь мы едем в старый дом. Ищем документы. И пытаемся понять, кто мы такие на самом деле.

Дэвид посмотрел на неё. В его глазах было столько боли, столько надежды, что у Элис сжалось сердце.

– Элис, – сказал он тихо, – если Лина права... если ты действительно моя сестра... то вся моя жизнь была ложью.

– Не ложью, – ответила она, выруливая на шоссе. – Просто ты жил не своей памятью. Но теперь у тебя есть шанс её вернуть.

– А ты? Ты готова вернуть свою?

Элис помолчала. За окном мелькали деревья, серое небо, убегающая дорога.

– Не знаю, – призналась она. – Но, кажется, у меня нет выбора.

Глава 4. Тихая палата

«Есть места, где время останавливается. Где люди существуют вне общества, вне памяти, вне надежды. Психиатрические клиники закрытого типа – это чистилище на земле. Сюда попадают те, кого общество хочет забыть. И здесь они ждут – смерти, просветления, или чуда. Но чудес не бывает. Бывает только тишина».

Из отчёта специального агента Элис Вуд

Утро в федеральном здании начиналось рано. К семи часам коридоры уже гудели от голосов, шарканья ног, звона чашек и бесконечных телефонных звонков. Элис сидела в кабинете Марти Коула, пила уже четвёртую чашку кофе и смотрела на разложенные перед ними документы. За ночь Марти сделал невозможное – собрал досье на клинику «Тихая гавань» толщиной в добрых пять сантиметров.

– Я не спал всю ночь, – сказал он, потирая красные глаза. – Но оно того стоило. Послушай, что я нашёл.

Он развернул перед Элис карту штата Нью-Йорк и ткнул пальцем в точку к северу от Олбани.

– Вот здесь, в лесах, в часе езды от ближайшего города, находится «Тихая гавань». Место выбрано не случайно – глушь, никаких соседей, только лес и река. Клиника основана в 1952 году как санаторий для туберкулёзников, потом перепрофилирована в психиатрическую лечебницу. С семидесятых годов – закрытое учреждение для особо опасных пациентов.

– Особо опасных? – переспросила Элис, вглядываясь в карту.

– Да. Тех, кто совершил тяжкие преступления, но был признан невменяемым. Убийцы, маньяки, насильники. Сейчас там около ста пятидесяти пациентов. Уровень безопасности – как в тюрьме строгого режима.

– И туда отправляли десятилетнюю девочку? – Элис нахмурилась.

– Лина Новак попала туда не сразу. После пожара её сначала держали в обычной психиатрической больнице, но через полгода перевели в «Тихую гавань». Официальная причина – «тяжёлое посттравматическое расстройство с психотическими эпизодами, требующее постоянного наблюдения в условиях строгой изоляции». Неофициально... – Марти пожал плечами. – Кто знает.

– Кто переводил?

– Главный врач той больницы некий доктор Гаррисон. Он же потом стал главврачом «Тихой гавани». И руководит ею до сих пор.

Элис почувствовала знакомый холодок. Гаррисон. Она уже слышала это имя от Дэвида, когда тот рассказывал о клинике.

– Значит, Гаррисон вёл Лину с самого начала, – сказала она задумчиво. – Интересно, почему?

– Это не всё, – Марти пододвинул к ней ещё одну папку. – Я запросил данные по пожарам. В ночь, когда сгорел дом Новаков, произошло ещё одно возгорание – в самой клинике. Загорелось отделение, где работал доктор Филип Новак. Погибли трое пациентов и двое сотрудников. Огонь уничтожил архивы, лабораторию, все документы.

– Удобно, – Элис подняла бровь.

– Очень. Следователи тогда пытались найти связь, но ничего не доказали. Решили, что совпадение. Но есть одна деталь: за несколько недель до пожара Новак обращался в полицию с заявлением, что ему угрожают. Он не назвал имени, но сказал, что кто-то хочет завладеть его исследованиями.

– Исследованиями? – Элис насторожилась. – Какими?

– Он занимался экспериментальной терапией – лечение творчеством. Считал, что через искусство можно достучаться до самых тяжёлых пациентов, даже до тех, кто не реагирует на лекарства. У него были какие-то разработки, методики, записи. Всё сгорело.

– Или было украдено, – добавила Элис. – А потом подожжено, чтобы скрыть следы.

– Именно.

Они помолчали, переваривая информацию. За окном начинался очередной серый день, и дождь снова барабанил по стеклу.

– Марти, – сказала Элис, – мне нужно всё, что есть на Гаррисона. Где учился, где работал, с кем общался, какие у него связи. И особенно – не было ли у него конфликтов с Новаком до пожара.

– Уже ищу, – ответил Марти. – Но это займёт время. Гаррисон – фигура известная в узких кругах, у него полно связей, в том числе в полиции и администрации.

– Тем более надо быть осторожными. – Элис встала. – Я поеду к Моррисону, нужно рассказать ему. А ты продолжай копать.

Она уже взялась за дверную ручку, когда Марти окликнул её:

– Элис, постой. Есть ещё кое-что.

Она обернулась.

– Я нашёл фотографию Лины Новак. Ту, что делали при поступлении в клинику. – Он протянул ей чёрно-белый снимок. – Посмотри.

Элис взяла фото. С него смотрела девочка лет десяти – худая, с огромными глазами, в которых застыл страх. Длинные тёмные волосы, острые скулы, тонкие губы. И вдруг Элис показалось, что сердце остановилось. Эта девочка была до жути похожа на Миранду. Не просто похожа – она могла бы быть её сестрой-близнецом.

– Что? – спросил Марти, заметив её реакцию.

– Ничего, – Элис заставила себя отвести взгляд. – Просто показалось. Спасибо, Марти.

Она вышла в коридор, но фото Лины Новак стояло перед глазами. Миранда. Всё время Миранда. Почему это дело так цепляет её? Почему каждый шаг приближает к той боли, которую она так старательно прятала?

Дэвид Моррисон встретил её на пороге своей квартиры. Он был бледен, под глазами залегли тени, но в глазах горел лихорадочный огонь.

– Я не спал, – сказал он вместо приветствия. – Думал о Лине. О том, что она сказала про картину. Я, кажется, понял.

– Что поняли?

– Картина, на которую она указала – это «Дорога в лесу» неизвестного художника. Репродукция висит во многих больницах. Но я вспомнил: такая же картина висела в нашем доме, когда я был маленьким. В гостиной, над камином. Я помню её. – Он провёл рукой по лицу. – Лина хотела сказать, что помнит наш дом. Что она помнит всё.

– Дэвид, – Элис прошла в гостиную и села на диван, – нам нужно поговорить. Я узнала много нового о клинике и о вашей семье.

Он сел напротив, готовый слушать.

Элис рассказала всё: о пожаре, о Гаррисоне, об исследованиях отца, о том, что все документы сгорели, а Лину перевели в «Тихую гавань» под надзор того же врача. Дэвид слушал молча, только желваки ходили на скулах.

– Значит, Гаррисон всё это время был рядом с ней, – сказал он, когда она закончила. – Контролировал, лечил, возможно, заставлял молчать.

– Похоже на то.

– Но зачем? Что она могла знать?

– Возможно, она видела убийцу. Или знает, где документы отца. Гаррисон боится, что она заговорит.

Дэвид вскочил и заметался по комнате.

– Я должен её вытащить. Немедленно. Нельзя оставлять её там ни на день.

– Мы вытащим, – твёрдо сказала Элис. – Но сначала нужно действовать по закону. Я подготавливаю запрос на свидание, подключу адвокатов. Если Гаррисон замешан, мы его достанем.

– А если он успеет что-то сделать с ней? Если она в опасности?

Элис помолчала. Она думала о том же.

– Тогда нам придётся действовать быстрее, – сказала она наконец. – Но без глупостей. Мы не можем ворваться в клинику с оружием – нас арестуют, и Лине это не поможет.

Дэвид остановился, посмотрел на неё.

– Вы правы. Извините. Я просто... я не могу потерять её снова.

– Не потеряете. – Элис встала. – Я сейчас поеду в офис, оформлю все бумаги. А вы сидите дома и никуда не выходите. Если Гаррисон что-то заподозрит, он может попытаться убрать свидетелей. Вы теперь тоже свидетель.

– Я понял.

Она направилась к двери, но на пороге обернулась.

– Дэвид, ещё одно. Та девочка на фотографии, которую я нашла... Лина в детстве очень похожа на мою сестру Миранду. Это, наверное, ничего не значит, просто совпадение. Но я хочу, чтобы вы знали.

Дэвид внимательно посмотрел на неё.

– Вы ищете сестру?

– Искала. Пятнадцать лет. Но, кажется, пришло время признать, что её нет в живых.

– Не говорите так, – тихо сказал Дэвид. – Я думал, что Лина погибла, а она жива. Чудеса случаются.

Элис грустно улыбнулась.

– Для чудес я слишком цинична. До свидания, Дэвид.

Она вышла, оставив его одного в полумраке квартиры, где пахло книгами и остывшим кофе.

Вернувшись в офис, Элис застала Марти в состоянии крайнего возбуждения.

– Есть контакт! – выпалил он, едва она переступила порог. – Я нашёл человека, который работал в «Тихой гавани» в то время, когда туда привезли Лину. Старшая медсестра, уволилась лет пять назад. Сейчас живёт во Флориде. Я созвонился с ней, она согласна поговорить.

– Отлично! – Элис оживилась. – Что она говорит?

– Говорит, что помнит тот случай. Девочка была в ужасном состоянии – истощена, напугана, не разговаривала. Её поместили в отдельную палату и назначили интенсивную терапию. Но самое интересное – Гаррисон лично курировал её лечение. Приходил каждый день, проводил с ней часы, хотя обычно он не занимается рядовыми пациентами.

– И что, никто не удивился?

– Все удивлялись, но кто ж спросит? Он главный врач. Медсестра говорит, что Гаррисон запретил кому-либо входить в палату без его разрешения. Даже санитары только по вызову. Лина была фактически изолирована от всех.

– Насколько изолирована?

– Полностью. Еду ей приносили, уборку делали, но общаться не разрешалось. Она сидела одна годами.

Элис почувствовала, как внутри закипает гнев.

– Это же пытка. Одиочное заключение ребёнка.

– Формально – лечение. Доктор прописал. – Марти развёл руками. – Юридически к нему не подкопаешься. Но если всплывут другие факты...

– Надо копать дальше. – Элис села за стол. – Свяжись с этой медсестрой ещё раз, возьми официальные показания. Мне нужно, чтобы она подтвердила всё письменно.

– Сделаю.

Элис откинулась в кресле и закрыла глаза. В голове крутились обрывки информации, не желая складываться в цельную картину. Гаррисон, Новак, Лина, Миранда... Кто все эти люди? И какое отношение ко всему этому имеет она сама?

Внезапно её осенило. Она резко открыла глаза и схватила телефон.

– Марти, помнишь ту фотографию Миранды Стоун, которую ты нашёл? Ты можешь её увеличить и прислать мне?

– Конечно, сейчас.

Через минуту на экране появилось изображение. Элис вглядывалась в лицо девочки, пытаясь найти сходство с Линой Новак. Да, они были похожи. Очень похожи. Но не как сёстры – как... как один человек?

– Не может быть, – прошептала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.